



АТЛАС

ЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ХОРХЕ
ЛУИС
БОРХЕС

Издательство Колибри

Хорхе Борхес

Атлас. Личная библиотека

«Азбука-Аттикус»

1995

УДК 821.134.2(8)
ББК 84(7Арг)-44

Борхес Х. Л.

Атлас. Личная библиотека / Х. Л. Борхес — «Азбука-Аттикус»,
1995

ISBN 978-5-389-21138-4

Хорхе Луис Борхес – один из самых известных писателей XX века, во многом определивший облик современной литературы. Умберто Эко в своем эссе о влиянии Борхеса формулирует основной принцип произведений великого аргентинца: «Книги разговаривают друг с другом». Сам Борхес писал: «Иные гордятся каждой написанной книгой, я – любой прочтенной». В многочисленных интервью Борхес называл себя не столько писателем, сколько внимательным, благодарным читателем. Неудивительно, что большая часть его литературного наследия представляет собой статьи, заметки, рецензии и размышления о литературе. Именно таковы вошедшие в настоящий том два сборника Борхеса: «Атлас» и «Личная библиотека». «Атлас» – это своеобразный дневник путешествий, собрание изящных миниатюр, рожденных в воображении слепого странника. «Личная библиотека» состоит из предисловий Борхеса к его любимым книгам. Каждая страница этих сборников отражает неповторимый стиль автора, где проза балансирует на грани поэзии, а Вселенная вращается вокруг самого драгоценного предмета – Книги. Часть текстов выходит на русском языке впервые. В формате PDF A4 сохранён издательский макет.

УДК 821.134.2(8)

ББК 84(7Арг)-44

ISBN 978-5-389-21138-4

© Борхес Х. Л., 1995
© Азбука-Аттикус, 1995

Содержание

Атлас	7
Предисловие	7
Галльская богиня	8
Тотем	9
Цезарь	10
Ирландия	11
Волк	12
Стамбул	13
Дары	14
Венеция	16
Улочка Больини	17
Храм Посейдона	18
Начало	19
Полет на воздушном шаре	20
Сон в Германии	21
Афины	22
Женева	23
На улице Пьедрас-и-Чили	24
Бриошь	25
Памятник	26
Эпидавр	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Хорхе Луис Борхес

Атлас. Личная библиотека

Jorge Luis Borges

ATLAS and BIBLIOTECA PERSONAL

Copyright © 1995, María Kodama

All rights reserved

© Б. В. Дубин (наследник), перевод, примечания, 2022

© Б. В. Ковалев, перевод, 2022 © К. С. Корконосенко, перевод, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Колибри®

Атлас

Предисловие

Перевод Б. Дубина

Кажется, Стюарт Милль первым заговорил о множественности причин; для этой книги, которая, конечно же, не атлас, могу указать две, обе – неоспоримые. Одна носит имя Альберто Хирри. В щедром течении наших земных дней Мария Кодама и я посетили и открыли для себя немало земель, вызвавших к жизни немало фотографий и текстов. Их однажды увидел Энрике Пеццони – такова другая причина этой книги; Хирри заметил, что они могли бы сложиться в умело запутанное целое. Оно перед вами. Это не набор текстов, иллюстрированных фотоснимками, и не набор фотоснимков, растолкованных подписями. Каждая главка – особое единство, которое соткано из картин и слов. Открывать неизведанное – не привилегия Синдбада, Эрика Рыжего или Коперника. Любой из нас – первооткрыватель. Сначала он открывает горькое, соленое, вогнутое, гладкое, шершавое, семь цветов радуги и двадцать с чем-то букв алфавита; затем переходит к лицам, картам, животным и созвездиям, а заканчивает сомнением, верой и едва ли не абсолютной убежденностью в собственном невежестве.

Мы, Мария Кодама и я, с удивлением и радостью делили наши находки – звуки, языки, сумерки, города, сады, людей; все они были особыми и непохожими друг на друга. Следующие ниже страницы хотели бы остаться памятниками этого долгого и все еще не оконченного пути¹.

Х. Л. Б.

¹ «Атлас» – это своеобразный дневник путешествий, которые совершил Борхес вместе с Марией Кодамой, чьи фотографии украшали первое издание книги. – *Примеч. ред.*

Галльская богиня

Перевод Б. Дубина

Когда Рим дошел до здешних окраинных земель и до пресных вод их необозримого и, вероятно, бескрайнего моря, когда сюда дошли два звонких и высоких имени, Цезарь и Рим, эта богиня из обожженного дерева уже существовала. Пришельцы дали ей имя Дианы или Минервы с безразличием империй, которые тем и отличаются от миссионеров, что признают побежденных богов и вводят их в собственный пантеон. Прежде она занимала свое место в неукоснительной иерархии, была дочерью одного из богов, матерью другого и соединялась для людей с дарами весны или ужасом битвы. Теперь она скрыта ото всех и выставлена в странном месте, которое называют музеем.

Она дошла до нас без единого мифа, без единого собственного слова – беззвучный голос ушедших поколений. Изувеченное и священное изваяние, которое может безответственно разукрашивать наш праздный ум. Мы никогда не услышим молитв ее почитателей, никогда не узнаем их обрядов.

Тотем

Перевод Б. Дубина

Александриец Плотин, по рассказу Порфирия, не хотел, чтобы с него писали портрет, ссылаясь на то, что он – попросту тень своего платоновского первообраза, а портрет будет и вовсе лишь тенью тени. Через несколько веков Паскаль снова прибегнет к этому доводу, обратив его против живописи как таковой. Изображение, которое видит читатель, отпечатано с фотографии канадского идола, иными словами, это тень тени от тени. Подлинник – назовем его так – высится за последним из трех корпусов буэнос-айресского вокзала Ретиро, огромный и одинокий. Я говорю об официальном даре правительства Канады. Эту страну не смутило, что ее будет представлять подобное варварское изваяние. Латиноамериканцы не рискнули воспользоваться случаем и в ответ тоже подарить Канаде изображение безымянного, грубо сработанного божества.

Все это знаешь. И тем не менее ум тешится мыслью о тотеме, сосланном на чужбину, – тотеме, втайне ждущем мифов, племен, заклятий, а может быть, и жертвоприношений. Как его чтить, неизвестно; тем больше причин мечтать об этом в смутных сумерках.

Цезарь

К. Корконосенко

Вот кратеры кровавые на теле.
Вот тот, кто звался Цезарем, кто жил.
Теперь он вещью мертвою застыл:
кинжалы взяли все, что захотели.
Машина грозная, чей ход прервался, —
вот тот, что к славе путь вчера торил,
историю писал и сам творил
и радостями жизни упивался.
Вот и другой, расчетливо смиривший
тщеславие отказом от венков,
бросавший в бой солдат и моряков,
в народе честь и зависть заслуживший.
А вот иной, герой грядущих лет,
чья тень огромная затмит весь свет.

Ирландия

Перевод Б. Дубина

Древние и великодушные тени не хотят, чтобы я посмотрел на Ирландию или чтобы я смотрел на нее, иначе как с благодарностью вглядываясь в историческое прошлое. Эти тени носят имя Эриугены, для которого вся наша история – лишь долгий сон Бога и в конце концов снова приведет к Богу (подобное учение провозглашалось потом в драме «Back to Methuselah»² и знаменитом стихотворении Гюго «Ce que dit la Bouche d'Ombre»³); носят имя Джорджа Беркли, считавшего, будто все мы в неисчислимых подробностях снимся Богу и, если он, как Красный Король, однажды очнется ото сна, небо и земля немедленно исчезнут; носят имя Оскара Уайльда, от чьей судьбы, не обойденной несчастьем и бесчестьем, остались страницы, безоблачные и чистые, как заря и вода. Я думаю о Веллингтоне, который наутро после битвы при Ватерлоо почувствовал, что победа так же чудовищна, как поражение. Думаю о двух великих барочных поэтах, Йейтсе и Джойсе, которые прибегали к прозе и стихам ради единой цели – красоты. Думаю о Джордже Муре, который создал в «Ave Atque Vale»⁴ новый литературный жанр, что само по себе пустяк, но создал его с удовольствием, а это главное. Эти необозримые тени стоят между множеством вещей, которые я помню, и тем немногим, что удалось посмотреть за два-три дня, как всегда, переполненных случайностями.

Самое живое среди этого немногого – Круглая Башня, которой я не видел, но которую нащупывали мои руки и в которой наши благодетели-монахи сохранили для нас от черных времен греческий и латынь, иначе говоря – культуру. Для меня Ирландия – это земля добрейших людей, истинных христиан, одержимых непонятной страстью во всем быть ирландцами.

Я прошел по улицам, которыми бродили и по-прежнему бродят обитатели «Улисса».

² «Назад к Мафусаилу» (*англ.*).

³ «Сказанное Устами Тьмы» (*фр.*).

⁴ «Славься и здравствуй» (*лат.*).

Волк

Перевод К. Корконосенко

Подвижный, серый в сумраке последнем,
он оставляет след на берегу
реки без имени, где напоил
он жаждущее горло; эти воды
не умножают звезды. Этой ночью
волк – только тень, которой одиноко
и холодно, она волчицу ищет.
И это в Англии последний волк.
Об этом знают Тор и Один. В доме
высоком, каменном решил король:
волкам не жить. Уж выковано в кузне
тебе на гибель крепкое железо.
Саксонский волк, твое погубило семя.
Жестокость не спасает. Ты – последний.
А через десять сотен лет старик
в Америке тебя во сне увидит.
Грядущий сон тебе помочь не в силах.
Твой след на берегу уже нашли,
сегодня ты в своем лесу обложен,
подвижный, серый в сумраке последнем.

Стамбул

Перевод К. Корконосенко

Карфаген – вот самый очевидный пример оклеветанной культуры: мы ничего не знаем о Карфагене, Флобер не знал о нем ничего, помимо сообщений его врагов, а враги были немилосердны. Не исключено, что нечто подобное происходит и с Турцией. Мы представляем себе жестокую страну: это знание восходит к Крестовым походам – наиболее жестокому начинанию, отмеченному в истории, и при этом до сих пор не разоблаченному. Если подумать, то христианская ненависть была ничуть не меньше столь же фанатичной ненависти ислама. На Западе великие турки-османы до сих пор остаются безымянными. Единственное дошедшее до нас имя – это Сулейман Великолепный («e solo in parte vide il Saladino»)⁵.

Что могу я знать о Турции по истечении трех дней? Я увидел великолепный город, увидел Босфор, бухту Золотой Рог и вход в Черное море, на берегах которого находили рунические камни. Я услышал приятный язык, для меня он звучит как смягченный немецкий. Здесь, вероятно, бродят призраки самых разных национальностей; мне бы хотелось думать, что в гвардию византийского императора входили скандинавы, а позже к ним присоединились и саксы, бежавшие из Англии после битвы при Гастингсе. Неоспоримо, мы должны вернуться в Турцию, чтобы приступить к ее открытию.

⁵ «Поодаль я заметил Саладина» (*ит.*). Перевод М. Лозинского.

Дары

Перевод Б. Ковалева

Звучанье музыки незримой время
преподнесло мне в краткосрочный дар.
Мне дан любви неистовый кошмар
и красоты трагическое бремя.

И знание дано: среди жен чудесных
на свете целом есть всего одна;
дарована вечерняя луна
и алгебра иных светил небесных.

Бесчестие дано. И нет урока,
что выучил прилежней и верней:
руины Карфагена, звон мечей
и бой извечный Запада с Востоком.

И глина мне дана – основа плоти,
язык, что все на свете перевернет,
кошмар бесстыдный дан, указан тот,
кто в нас глядит из зеркала напротив.

Прочел страницу я в библиотеке,
что время собирает и хранит.
И парадокс, чей автор – Парменид,
мне дан о непрошедшем прошлом веке.

И кровь, что вздыблена от страсти (снова
здесь образ греческий), Тот даровал,
чье имя – меч, кто людям диктовал
За буквой букву и за словом слово.

Даны мне имена, а с ними – вещи:
куб, сфера, пирамида и песок.
И тело – дар, чтоб я свободно мог
меж тел передвигаться человечьих.

Дано мне наслаждаться вкусом дней;
История моя равна твоей.

Венеция

Перевод Б. Дубина

Утесы, реки, берущие начало в горах, смешение этих рек с водами Адриатического моря, случайность и неотвратимость истории и геологии, прибой, песок, постепенное образование островов, близость Греции, рыбы, переселения народов, войны в Арморике и Балтике, камышовые хижины, сучья, сцепившиеся с глиной, неисследимая паутина каналов, дикие волки, набеги далматинских пиратов, нежная терракота, крыши, мрамор, всадники и копыта Аттилы, рыбаки, неуязвимые в своей нищете, лангобарды, судьба перекрестка, где соединяются Запад и Восток, дни и ночи бесчисленных и забытых теперь поколений – вот какие мастера ее создавали. А еще вспоминаешь ежегодные золотые кольца, которые герцог должен был бросать, стоя на носу буцентавра, и которые в полутьме или мраке вод обернулись неисчислимыми звеньями идеальной цепи, протянувшейся сквозь время. Но несправедливо было бы забыть и холостяка, искавшего бумаги Асперна, и Даноло, и Карпаччо, и Петрарку, и Шейлока, и Байрона, и Беппо, и Рескина, и Марселя Пруста. В памяти высятся бронзовые полководцы, издавна незримо смотревшие на город с обоих краев неохватной равнины.

Гиббон пишет, что независимость древней республики Венеция была завоевана мечом, а утверждена пером. Паскаль называет реки ходячими дорогами; венецианские каналы – это дороги, которыми ходят черные гондолы, похожие на черные скрипки и напоминающие о музыке еще и тем, что на них не стихают песни.

Как-то я в одном из предисловий написал о Венеции из хрусталя и сумерек. Сумерки и Венеция для меня – два почти однозначных слова, только мои сумерки теряют свет и грозят ночью, а венецианские нежны, вечны и не знают ни вчера, ни завтра.

Улочка Больни

Перевод Б. Ковалева

Живущие в эпоху револьвера, винтовки и загадочного атомного оружия, во времена катастрофических мировых войн, кампаний во Вьетнаме и Ливане, мы нередко вспоминаем скромные неприметные стычки, которые случались здесь в 1890-е годы, всего в нескольких шагах от госпиталя Ривадавия. Место между дальней частью кладбища и желтой стеной тюрьмы называлось когда-то Огненной Землей; жители того предместья (по их рассказам) облюбовали этот проулок для поединков на ножах. Дрались, правда, только раз, но потом рассказывали, что стычек было множество. Свидетелей не было, исключением мог стать разве что какой-нибудь любопытный кладбищенский сторож, – возможно, он увидел и оценил это стремительное движение стали: пончо на левой руке служило щитом; кинжал метил противнику в грудь и живот; и, если поединщики подобрались умелые, схватка могла длиться долго.

Что бы там ни было на самом деле, отрадно, находясь в этом доме ночью под высокими потолками, знать, что за окном еще остались приземистые домики, а рядом стояли дома-муравейники с большими дворами, – и среди них, быть может, еще бродят апокрифические тени этой незамысловатой мифологии.

Храм Посейдона

Перевод Б. Дубина

Подозреваю, что никакого бога морей, как и бога земли, не было: оба этих понятия чужды первобытному уму. Было море и был Посейдон, кроме того бывший морем. Потом пришли теогонии и Гомер, который, по словам Сэмюэла Батлера, переплел комические интерлюдии «Илиады» с позднейшими сказками. Время и войны разрушили изваяние бога, но не тронули его второго воплощения, моря.

Моя сестра любит говорить, что дети старше христианства. Несмотря на иконы и купола, то же самое можно сказать про греков. Впрочем, их религия была не столько учением, сколько собранием снов, божества которых подчинялись керам. Храм датируется пятым веком до новой эры – то есть именно тем временем, когда философы усомнились в сущем.

Таинственно все вокруг, но в некоторых вещах эта тайна заметнее. В море, желтом цвете, глазах стариков, музыке.

Начало

Перевод Б. Дубина

Разговаривают двое греков: допустим, Сократ и Парменид.

Условимся не разузнавать их имена; так история будет выглядеть таинственней и безмятежней.

Разговор идет об отвлеченных вещах. Иногда они прибегают к мифам, в которые оба не верят.

Приводимые доводы могут быть ложными и не достигают цели.

Они не спорят. Не хотят ни убедить, ни оказаться убежденными, не думают о победе или поражении.

Они согласны в одном: беседа – возможный путь к истине.

Свободные от мифов и метафор, они мыслят, пытаются мыслить.

Нам никогда не узнать их имена.

Этот разговор двух незнакомцев на земле Греции – величайшее событие в истории мира.

Молитва и магия остались в прошлом.

Полет на воздушном шаре

Перевод Б. Дубина

Одержимость полетом присуща человеку изначально – сошлюсь на сны, сошлюсь на ангелов. Меня дар левитации пока не посещал, и нет ни малейших оснований думать, что за оставшийся срок посетит. Ясно одно: ничего подобного полету в авиалайнере не узнаешь. То, что тебя заперли в аккуратной постройке из металла и стекла, не похоже ни на полет птицы, ни на полет ангела. Ужасающие оракулы бортпроводников с их скрупулезным перечнем кислородных масок, спасательных поясов, боковых дверей и немислимых воздушных пируэтов не несут и не могут нести в себе никакой загадки. Материки и моря застланы и скрыты облаками. Остается скучать. Другое дело – воздушный шар: он дарит ощущение полета, дружелюбное касание ветра, соседство птиц. Но любые слова предполагают общий опыт. Если кто-то никогда не видел красного цвета, я понапрасну буду сравнивать его с кровавой луной Иоанна Богослова или с гневом, застилающим глаза; если кому-то неизвестно редкое счастье полета на воздушном шаре, ему трудно что-нибудь объяснить. Я сказал «счастье» – думаю, это самое верное слово. Месяц назад, в Калифорнии, мы с Марией Кодамой оказались в скромной конторе, затерянной в долине Напа. Было четыре-пять часов утра; мы догадывались об этом по первым проблескам зари. Грузовик с корзиной на буксире довез нас до еще более глухих мест. Мы высадились в точке, ничем не отличавшейся от любой другой. Служащие отцепили прямоугольную корзину из досок и прутьев, а потом с трудом извлекли из тюка гигантский шар, расстелили его на земле, начали надувать через специальные отверстия в нейлоновой ткани, и шар, по форме напоминающий, как на рисунках энциклопедий, перевернутую грушу, стал постепенно расти, пока не достиг высоты и ширины многоэтажного дома. Ни боковой дверцы, ни лестницы не было, нужно было перелезть через борт. Нас оказалось пятеро пассажиров и пилот, который время от времени поддувал газ в полости гигантского шара. Мы стояли, держась за борт корзины. Рассветало; под ногами с высоты ангельского или птичьего полета открывались виноградники и поля.

Пространству не было предела; беззаботный ветер, несший нас, как неторопливая река, овеивал нам лоб, шею, щеки. Все мы, по-моему, почти физически чувствовали счастье. Я пишу «почти», поскольку ни счастье, ни горе не бывают только физическими, к ним всегда примешивается прошлое, окружающее, испуг, другие чувства и мысли. Наш полуторачасовой полет, кроме всего прочего, был еще и путешествием по утраченному раю девятнадцатого столетия. Лететь на шаре, придуманном братьями Монгольфье, означало вернуться к страницам По, Жюль Верна, Уэллса. Я вспомнил, что у этого последнего селениты, жившие в недрах Луны, перелетали с одного яруса на другой с помощью вот таких же воздушных шаров и не испытывали ни малейшего головокружения.

Сон в Германии

Перевод Б. Ковалева

Сегодня утром я увидел сон, который меня потряс, и я решил изложить его на бумаге.

Ты появляешься на свет. Перед тобой пустыня, а за ней пыльные классы или, возможно, пыльные склады, заполненные параллельными рядами очень старых школьных досок, длина которых измеряется лигами или целыми лигами лиг. Сколько складов – неизвестно, но их, без сомнения, много. В каждом по девятнадцать рядов школьных досок, на которых кто-то мелом написал слова и арабские цифры. Дверь каждого класса раздвигается на японский манер, и каждая дверь проржавела. Надписи начинаются с левого края доски, и вначале написано слово. Ниже еще одно, и все они следуют алфавитной строгости энциклопедических словарей. Первое, скажем, «Аахен», название города. Второе, написанное точно под ним, – «Аар», река в Берне, третье – это «Аарон» из колена Левия. Затем идут «абракадабра» и «Абракасас». За каждым словом следует число – сколько раз тебе отмерено увидеть, услышать, вспомнить или произнести это слово в течение жизни. Существует число, неизвестное, но определенно конечное, отмечающее, сколько раз между колыбелью и могилой ты скажешь «Шекспир» или «Кеплер». И на последней доске самого отдаленного класса начертано слово «zwitter» – «гермафродит» по-немецки, а чуть ниже отмерено, сколько раз ты увидишь город Монтевидео – и продолжишь жить. Ниже отмерено, сколько раз ты произнесешь тот или иной гекзаметр – и продолжишь жить. И отмерено, сколько ударов собственного сердца ты услышишь, – а после этого умрешь.

Но когда это случится, буквы и цифры сотрутся не сразу. (В каждый миг твоей жизни кто-то изменяет или стирает какое-нибудь число.) И все это подчинено замыслу, который нам никогда не постичь.

Афины

Б. Дубина

В первое утро моего первого дня в Афинах мне привиделся такой сон. На длинной полке передо мной выстроились книги. Это были тома Британской энциклопедии, моего утраченного рая – одного из многих. Я вытащил первый подвернувшийся под руку. Отыскал статью «Кольридж», в ней был конец, но отсутствовало начало. Отыскал статью «Крит» – то же самое. Тогда я отыскал слово «chess»⁶. Тут сон переменялся. На сцене театра, заполненного внимательными зрителями, я разыгрывал партию в шахматы с моим отцом, в то же время бывшим тем самым Псевдо-Артаксерксом, которому отрезали уши (это обнаружила, пока он спал, одна из его жен, тихо – чтобы не разбудить – погладившая его по голове) и которого потом убили. Я переставил фигуру, а противник своих фигур даже не коснулся, но магическим способом стер с доски одну из моих. Так повторилось несколько раз.

Тут я проснулся и сказал себе: *«Я в Греции, краю, где все началось, если только мир, в отличие от статей моей сновиденной энциклопедии, имеет начало».*

⁶ Шахматы (англ.).

Женева

Б. Дубина

Из всех городов планеты, из стольких разных и дорогих человеку родных мест, которые он ищет и находит среди своих странствий, Женева, по-моему, больше других создана для счастья. После 1914 года я обязан ей тем, что открыл для себя французский, латынь, немецкий, экспрессионизм, Шопенгауэра, учение Будды, даосизм, Конрада, Лафкадио Хирна и ностальгию по Буэнос-Айресу. А еще любовь, дружбу, стыд и желание покончить с собой. Память приукрашивает все, даже невзгоды. Я перечислил личные причины, приведу одну общую. В отличие от других городов, Женева не испорчена самомнением. Париж никогда не забывает о том, что он – Париж; даже скромный Лондон знает, что он – Лондон, и только Женева как будто не сознает того, что она – Женева. Великие тени Кальвина, Руссо, Амьеля и Фердинанда Ходлера никуда не исчезли, но никто здесь не напомнит о них путнику. Женева, отчасти похожая в этом на Японию, сумела стать новой, не утратив себя прежней. Крутые улочки Старого города остались теми же, теми же остались купола и фонтаны, но рядом с ними существует другой, огромный город с книжными магазинами, с лавками западных и восточных товаров.

Я знаю, что рано или поздно обязательно вернусь в Женеву. Может быть, после смерти.

На улице Пьедрас-и-Чили

Перевод Б. Ковалева

Я здесь бывал, должно быть, и не раз.
Теперь не вспомнить. Мне сегодня мнится,
что ближе Ганг неведомый струится,
чем вечер тот и тот рассветный час.
Превратности судьбы уже не в счет.
Они лишь мягкой глины часть былого:
его искусство лепит, время трет
и в нем авгуру не понять ни слова.
Не то клинок таила тьма, не то
хранила розу. И скрывает их
в ночных краях теней переплетенье.
Лишь пепел мне остался. Прах. Ничто.
И, сбросив маски дней пережитых,
я после смерти обрету забвенье.

Бриошь

Перевод К. Корконосенко

Китайцы полагают (некоторые китайцы полагали, отдельные полагают так до сих пор), что каждая новая вещь, появляясь на земле, отображает на небе свой архетип. У Кого-то или у Чего-то теперь есть архетип меча, архетип стола, архетип пиндарической оды, архетип силлогизма, архетип песочных часов, архетип механических часов, архетип карты, архетип телескопа, архетип весов. Спиноза утверждал, что всякая вещь стремится к сохранению своего бытия: тигр желает быть тигром, а камень – камнем. Сам я заметил, что всякая вещь стремится к тому, чтобы стать собственным архетипом, – и иногда это получается. Достаточно влюбиться, чтобы решить, что другой – или другая – уже не человек, а архетип. Эту большую бриошь Мария Кодама купила в кондитерской «Aux Brioches de la Lune»⁷, принесла мне в отель и сказала, что это – Архетип. Я сразу же понял, что она права. Взгляните на фотографию и судите сами.

⁷ «Лунные бриоши» (фр.).

Памятник

Перевод Б. Дубина

Принято думать, что скульптор рыщет в поисках темы, но такая мысленная охота – занятие не столько для художника, сколько для фокусника. Правдоподобней предположить, что художник – это человек, который неожиданно прозревает. Ведь для того, чтобы не видеть, не обязательно быть слепым или закрывать глаза: многое видишь по памяти, так же как думаешь по памяти, повторяя привычные образы или привычные мысли. Я уверен, что художник, имени которого я не запомнил, вдруг увидел то, чего с начала мира не видел ни один живущий. Он увидел пуговицу. Увидел это повседневное приспособление, доставляющее столько трудов пальцам, и понял: чтобы передать откровение, явившееся ему в образе этой простейшей мелочи, нужно увеличить ее до невероятных размеров и создать огромный светлый круг, который мы и видим теперь на этой странице и в центре одной из площадей Филадельфии.

Эпидавр

Перевод Б. Дубина

Как тому, кто смотрит на битву издали, как тому, кто втягивает соленый воздух, и слышит работу волн, и предчувствует море, как тому, кто открывает для себя страну или книгу, мне позавчерашним вечером посчастливилось оказаться на представлении «Прикованного Прометея» в высоком театре Эпидавра. Я, совсем как Шекспир, не знаю греческого, за исключением множества слов, обозначающих инструменты и науки, неведомые грекам. Вначале я попробовал вспомнить испанские переводы трагедии, которые читал больше полувека назад. Потом подумал о Гюго, о Шелли, о какой-то гравюре прикованного к скале титана. Потом попытался разобрать то одно слово, то другое. Подумал о мифе, который стал частью общей памяти человечества. И тут, неожиданно и вопреки всему, меня захватила двойная музыка оркестра и языка, чьего смысла я не понимал, но чью древнюю страсть почувствовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.